

О дороге к родному Дому

Доцент кафедры классической и русской филологии Карагандинского Государственного Университета им. Е.А. Букетова Елена Зейферт защитила в МГУ докторскую диссертацию на тему «Жанровые процессы в поэзии российских немцев второй половины XX – начала XXI вв.». В истории российских немцев еще не было случая, чтобы по их литературе была написана и защищена докторская диссертация. Естественно, такое событие не может не привлечь внимание.

Главная задача, которую поставила себе автор исследования - выявить связь между особенностями поэзии российских немцев и судьбой народа; установить, насколько эти особенности определены конкретными условиями, в которых народ находился на том или ином отрезке своей послевоенной истории.

Казалось бы, не такая уж актуальная задача, тем более, если исходить из сегодняшних *практических* нужд народа, подведенного к последней черте ассимиляции. Но не будем торопиться с оценками. Ведь результаты научных исследований далеко не всегда могут быть оценены сразу после их получения. Что дает «простому человеку» короткая формула $E=mc^2$? А что за ней стоит на самом деле?..

Уникальность и значение диссертации предстают уже с самого начала знакомства с ней.

Во-первых, наука пока вообще не занималась литературой российских немцев, так что воспользоваться проложенными тропинками и учесть чужой опыт не было возможности, а первопроходцу всегда труднее.

Во-вторых, временными рамками для исследуемого материала взяты вторая половина XX - начало XXI вв.. То есть время, когда - после обвинений целого народа в предательстве, после поголовной его депортации в Сибирь и Казахстан, после трудармии и спецкомендатуры, - выжившие российские немцы впервые смогли посмотреть вокруг себя: а кто еще остался после всех этих страшных лет в живых? И отметить: государственности у народа больше нет, компактного проживания тоже нет, и все распылены так, что в пределах видимости и слышимости – почти никого, в пределах подконтрольной переписки – лишь если удастся, иногда через десятилетия, найти адрес родного или близкого человека. Нет больше и экономической базы у народа, нет немецких школ, учителей, издательств, газет, писателей, литературы; нет равноправия с другими народами и гражданами страны. Одним словом, нет больше *никаких* условий для возрождения и сохранения национальной культуры и родного языка, для выживания народа вообще. Нет даже надежд на перемены к лучшему. А если эти надежды, вопреки всему, у кого-то всё же еще иногда почему-то возникают, их очень быстро подавляют вновь.

С того момента осознания пережитой национальной катастрофы и по настоящий день, т.е. за всё время, избранное для диссертационного исследования, в исправлении этой катастрофы практически ничего не изменилось (надеюсь, тут не надо пояснять, что речь идет о *национальной судьбе народа*, а не бытовом обустройстве индивидуума). Точнее, не изменилось к лучшему. К худшему же да: добавилась еще одна национальная катастрофа - две трети народа вытеснены угрозой окончательной ассимиляции в эмиграцию.

Так что уже одни временные рамки вызывают и тревожный интерес к исследованию, и настороженность: ведь раньше об этом времени, о его проблемах и заикаться было нельзя, а тут – докторская диссертация! Хватит ли автору мужества не уходить от действительной истории своего народа, от суровой правды его прошлого и настоящего?

В-третьих, автор будто специально усложняет себе задачу еще и тем, что в своем исследовании избирает не прямой путь показа зависимости результата от причин, а именно: условия, в которых находится народ – состояние его литературы – жанры и поэтические элементы в поэзии. Ведь такой путь был бы и легче для анализа, и позволил бы привнести в исследование больше души самому автору, и облегчил бы восприятие научного текста. Нет, автор, как правило, идет в обратном направлении: жанр – условия существования литературы, определившие выбор этого жанра, – условия жизни народа, определившие условия существования литературы. Научно это называется достаточно отстраненно: *«реконструировать этническую картину мира российских немцев и их национальные ключевые понятия посредством изучения литературных источников»*. Насколько этот путь сложнее первого, легко себе представить.

В-четвертых, автор как бы максимально самоустраняется из процесса, что минимизирует личностный, субъективный момент в оценках и выводах. Она как бы поручает всю работу объективно-беспристрастной науке, ее проверенным законам: пусть они говорят, что они видят в предложенном им материале под названием «поэзия российских немцев». А автор, опять же как бы, лишь берет на себя «озвучивание» результатов, выдаваемых наукой.

В-пятых, чтобы заставить науку говорить «саму», автор диссертации провела огромную работу, трудно представимую для выполнения одним человеком. Сначала по подбору научного инструментария, выработанного за почти весь последний век теоретиками литературы, литературоведами, текстологами – отечественными и зарубежными. Затем по отбору материала для исследования: творчество более 400 российско-немецких авторов в СССР, СНГ, а также выехавших в Германию.

И можно, наверное, сказать, что исследование проведено «по последнему слову техники»: наша поэзия будто пропущена через литературоведческо-текстологический компьютерный томограф. Такая современная «аппаратура» позволила до мельчайших подробностей увидеть не только все клетки нашей поэзии, но и их функционирование, их состояние и - причины того или иного их состояния на разных этапах. Позволила увидеть, что наша литература такая, какой только и могла быть у народа, прошедшего путь российских немцев. Позволила увидеть, как - после уничтожения всего, что требуется народу для нормальной жизни, а литературе для нормального развития, - она мучительно возродилась из ничего: на вытравленной депортацией и репрессиями почве, пропитываясь горькими соками этой почвы, в условиях системной дискриминации и запретов, под политическими суховеями и ледяными ветрами. Позволила увидеть то, что критикам нашей литературы не удавалось порой увидеть вообще, а именно: что наша литература есть, наша литература живет, причем по тем же законам, как и любая другая литература, что в ней бьется и обливается кровью каждая ее клетка-строчка. Увидеть, что она как голос народа кричит от боли и несправедливости, она как дитя живого народа мечтает о восстановлении его национального дома, потому что не хочет его и своей бездомной безвременной смерти. И что она не может не издавать криков боли, когда народ всё дальше подталкивается насильственной ассимиляцией к небытию...

Бесстрастный компьютерный томограф не мог проигнорировать и тот простой факт, что у российских немцев, как у любого народа, должно быть свое видение мира и происходящего в нем. И вместе с автором этот томограф воссоздает нам через анализ поэзии драматические, шокирующие «особенности» этой «этнической картины мира»: *«осознание окружённости своего чужим, бытование внутри другого, стремление к автономности, приоритет статики над динамикой, ощущение “нигде на родине” или “везде на родине”, генетический страх перед изгнанием, состояние постоянной уязвимости, страх быть заметнее других, повышенный интерес к растительной символике (слабые растения, растения без корней), обострённое желание законного отношения к родному этносу, стремление подчеркнуть своеобразие родного этноса, стремление к интеграции внутри своего этноса»*. И констатирует, что «модель мира для

российских немцев – дорога к родному Дому, родине»... Вам достаточно таких результатов научного анализа, чтобы представить себе и положение народа, имеющего такие «особенности этнической картины мира», и состояние его литературы? Вы можете назвать еще чью-нибудь литературу, родившуюся у народа с такой «этнической картиной мира»?..

Как археолог по фрагментам сохранившихся остатков исчезнувших цивилизаций может многое сказать о самих цивилизациях; как знаменитый антрополог М.Герасимов по черепу давно умершего человека восстанавливал его лицо; как врач по симптомам и реакциям человека определяет состояние его здоровья, - так автор диссертации по жанровым признакам произведений, по поэтическим образам, по использованной лексике, по форме отдельных строк и слов определяет *первопричины* выбора именно этих жанров, именно этих образов, именно этих форм строк и слов: условия жизни народа, глубину и системность его трагедии.

При этом автор и сама вместе с исследуемым объектом проходит, переживает все стадии горького пути народа и литературы. И чуть ли не каждая цитируемая строчка, чуть ли не каждая строчка самого автора диссертации отражают этот драматичный путь, эту неразрывную связь литературы с судьбой народа.

Трудно припомнить кого-либо, кто в своих оценках и подходах к нашей литературе отразил бы с таким пониманием именно эту ее главную «особенность».

Диссертация о генезисе жанров в отдельной национальной литературе – это не история самой литературы, и даже не литературная критика. Поэтому в ней не могло быть, как у Белинского, «чистого» критического анализа произведений с точки зрения законов литературного творчества, литературной критики как *движущейся эстетики*, без привходящих утилитарных и конъюнктурных задач. Тем более в ней не могло быть (и вряд ли было бы допущено) рассмотрения нашей литературы по методике критиков - революционных демократов (Чернышевский, Добролюбов, Писарев), блестяще продолженной в 1960-е годы журналом «Новый мир», когда анализируемое произведение становилось нередко поводом для критического анализа самой действительности, для привнесения в литературную критику острых социально-политических вопросов. Но отсутствие всего этого в диссертации никак нельзя считать ее недостатком. Ведь она – не литературно-критическая публицистика, а масштабное глубокое лабораторно-клиническое исследование «лица» нашей литературы, ее лица, которое, как у Гуинплена, героя романа В.Гюго, «не случайная игра природы, но плод чьих-то сознательных усилий», потому что «с таким лицом не рождаются». Диссертация «ограничивается» выявлением, реконструкцией установленных народу условий существования, которые, уродуя его жизнь, привели и к искаченности его литературы.

Сам предмет исследования не позволил сугубо научному исследованию стать стерильно-бесстрастной фиксацией того, насколько наша литература и происходящие в ней процессы подчиняются законам, общим для всех национальных литератур. Исследование показало главное: как наша литература насквозь, до клеточного уровня, пропитана судьбой и болью народа, обусловлена ими, и – отражает их, кричит о них, кричит даже своим десятилетиями вынужденным молчанием по запретным темам. В исследовании постоянно ощущается прерывистый пульс задыхающегося от нехватки воздуха народа и его литературы. И можно с полным основанием сказать, что исследование не только стало фундаментальной базой, без опоры на которую отныне трудно себе представить компетентный подход к истории нашей литературы, к ее явлениям и произведениям. Это исследование требует теперь равнодушия и от других будущих исследователей нашей литературы, от литературных критиков и даже рядовых рецензентов. Более того, оно прямо-таки зовет к написанию истории нашей литературы в силовом поле четко показанной неразрывной связи характера, содержания, формы, судьбы нашей литературы с трагической судьбой народа. Оно дает и историкам нашей литературы, и литературным критикам как бы документальное научное подтверждение того, что и почему происходило в нашей

литературе, и сотнями выявляемых фактов показывает, что литература – не только отражение истории, жизни, положения народа, но и их продукт, очень много могущий рассказать о них.

Несмотря на свое собственное глубокое небезразличие к драматической истории своего народа, что прослеживается по творчеству автора диссертации как еще и известного поэта, в своем исследовании она сохраняет верность науке практически до конца и позволяет себе лишь чрезвычайно сдержанный вывод о возможной *«будущей активности литературы российских немцев»*. Более оптимистично по этому вопросу она высказалась на последней конференции историков российских немцев (сентябрь 2008, Москва), исходя из определенного роста массовости и активности литературы у российских немцев, выехавших в Германию. Между тем, будущее нашей литературы – один из важнейших для нас вопросов, хотя он, естественно, и выходит за рамки рассматриваемой диссертации. Поэтому, разделяя позицию автора как ученого, ее научную методологию и результаты ее исследования, выявившие жесткую *«связь между жанровыми и этническими процессами и признаками»*, считаю уместным сказать несколько слов и о значении «выездной» литературы для будущего нашей литературы вообще, чтобы нам не питать лишних иллюзий. Именно потому, что, как убедительно показывает диссертация, национальная литература у народа может быть только когда у него есть национальная жизнь.

У российских немцев сегодня национальной жизни практически нет: в России потому, что до сих пор не решен вопрос об их реабилитации, о восстановлении их государственности, их равноправии; в Германии потому, что там российские немцы, несмотря на гораздо большую *плотность* проживания на 1 кв. км., никогда не смогут получить возможность *компактного* проживания. И они вынуждены в очередной раз терять свою идентичность, теперь уже бинациональную. Вынуждены ассимилироваться и - в новой для них атмосфере индивидуального существования и выживания, - переживать и проблемы больше индивидуальные, чем общие для народа. (Надеюсь, читателя не надо призывать не путать сумму представителей одной национальности и народ).

Однако и классика, и вообще настоящая литература за многие века показали, что без больших проблем, без больших переживаний, без глубоких чувств нет и большой литературы. И только в той степени, в которой писателю удастся выразить интересы, переживания, проблемы многих, освещая при этом горением своего сердца им путь в будущее, - только в этой степени будет иметь значение и признание его творчество.

Яркий пример – известный во всем мире феномен А.Солженицына. Он как титан взошел на том, что воспринял трагедию своего народа как собственную трагедию (для этого, кстати, у него было достаточно оснований и в личной судьбе). Он сделал масштабные сталинские репрессии практически единственной темой своих произведений. Он не только показал эти репрессии как трагедию миллионов, трагедию страны; он постепенно сосредоточился в своем творчестве на том, чтобы и разрушить зло, которое разрушало его народ и страну. И в этом он преуспел. Но когда зло было разрушено, и когда возвращенные на его идеях разрушители зла сами пришли к власти, он не увидел наступления светлого будущего своей страны и народа. Более того, началось еще большее разрушение, и не только страны и народа, а и, что еще важнее – человека.

Получилось, что титан, борясь со злом, как врач от больного сам заразился болезнью разрушения. Сконцентрировавшись полностью, без остатка, на разрушении зла, он не смог одновременно увидеть и показать то, что было по масштабам гораздо больше, чем совершавшееся зло, - безмерный подвиг народа и страны в решении задач исторического, общечеловеческого значения: возрождение и укрепление государства после небывалой разрухи Первой мировой и Гражданской войн, подготовку к неизбежной Второй мировой войне, победу в этой войне и новое возрождение страны после очередной разрухи.

И никто не смог стать ему созидательным противовесом, никто не смог совершить подвиг защиты добра и построения будущего, равный по масштабам и значению его творческому подвигу

по разрушению оставшегося уже в прошлом зла. В результате и в народе, и в стране возник катастрофический перекокс: пафос разрушения почти полностью завладел умами и сердцами, а силы созидания, лишённые в сформированной атмосфере опоры и понимания, были во многом парализованы. Поэтому, когда вскормленный им идеологический спецназ «борьбы со злом», способный только разрушать, пришел к власти, то, не встречая никакого сопротивления, разрушил и саму страну, в которой за полвека до этого совершалось то зло, борьбу с которым великий писатель так надолго и так вселенски актуализировал. И писатель имел еще несчастье увидеть эту гораздо большую катастрофу, чем все прежние, которые выпали на долю его страны. И попытки сдержать ее запоздалыми советами о том, как теперь «обустроить Россию», были не только тщетными, но и остались непринятыми народом и страной – в том числе и потому, что во многом оставались в рамках его привычного пафоса разрушения. Поэтому судьба творческого наследия А.Солженицына, несмотря на его всемирное признание и Нобелевскую премию, вряд ли будет долговечной: народу лишь на определенных этапах нужно отринуть свое прошлое, «отряхнуть его прах» со своих ног, но ему всегда нужно знать, как построить лучшее будущее. Отсюда и жесткий отбор литературы, которую народ берет с собой на своем пути в будущее; т.к. путь этот всегда и труден, и долог, то берется с собой лишь действительно ценное и необходимое.

Это подтверждает и литература российских немцев. Их поэзия в лучших своих образцах: творчеством Вольдемара Гердта, Вольдемара Шпаара, Германа Арнгольда, Розы Пфлюг, Нелли Ваккер, Эдмунда Гюнтера, т.е. творчеством старшего поколения литераторов, наполненного еще довоенной национальной жизнью своего народа, даже в самые трудные времена мужественно показывала народу единственный путь к его будущему – *«дорогу к родному Дому»*. И поэтому была так нужна народу. Среднее поколение уже не успело пропитаться этой национальной жизнью, потому что когда оно родилось, этой национальной жизни уже практически не было, и в лучшем случае оно имело ее в себе лишь в той форме и степени, в которой смогло получить ее от отцов. Поэтому и творчество его представителей, может быть иногда и более зрелое по профессиональному уровню, шире по кругозору, уже редко отвечало потребности народа в освещении дороги к нормальному будущему. Младшее же поколение литераторов, уже почти целиком русскоязычное и утратившее национальную идентичность, практически вообще не могло писать о том, что оставалось для народа главным вопросом его выживания.

Схожую, если не еще более ярко выраженную, картину мы видим сегодня и в нашей «выездной» литературе. Только там поколение, бывшее в СССР, в России главным носителем и выразителем национальных интересов и чаяний, фактически уже ушло из жизни, а кто еще жив, тот или уже не активен в творчестве, или сменил свои творческие ориентиры с национального будущего на скорейшую «интеграцию», т.е. скорейшую полную ассимиляцию в виде регерманизации. Или, как один из активнейших когда-то борцов за восстановление нашей государственности, обратился в основном к протестной поэзии-публицистике, наполняя в ней старые классические жанры новой общественно-политической текучкой.

Поколение же, бывшее здесь средним, обладая существенным творческим потенциалом, который в случае своевременного восстановления нашей государственности мог бы дать мощный толчок возрождению всей нашей литературы, в Германии обращается в национальной проблематике в лучшем случае к давнему прошлому и всё больше вынуждено писать о настоящем, которое становится всё более безнациональным.

Следующее поколение, уже почти не касаясь национальной проблематики, сделало предметом своего творчества во многом проблематику переселенцев, разнесенных в очередной раз ветром истории; но эта проблематика имеет больше социальный, чем национальный характер, и мало вдохновляет на художественное творчество. А молодая поросль, уже получившая неплохое знание немецкого языка, но полностью оторванная от национальной жизни и проблем народа, а часто и от старших поколений, вынуждена всё больше погружаться в то, что вообще трудно

назвать художественным творчеством: в тоскливую атмосферу индивидуальной рефлексии и отсюда – в стремление поразить обывателя вывихами обывательской обыденности. Хотя и здесь бывают отрадные по проявлению таланта исключения, но – вне национальной проблематики.

Таким образом, «выездная» литература еще более быстрыми темпами, чем это происходило в советское время, обрекается вместе с выехавшими на ассимиляцию: национальная проблематика в ней будет у каждого очередного поколения касаться всё более далекого для них прошлого, а национальная составляющая в творчестве будет всё больше суживаться. Когда же в литературе нет национальной жизни народа (тем более, когда этой национальной жизни нет у самого народа), когда у писателя нет больших целей, когда он не пытается осмыслить и подвергнуть художественному анализу большие проблемы жизни человека, народа, страны, то и творчество его обычно не выходит за рамки тщеславного стремления поразить зевающую публику, мало что желающую знать, но готовую иногда прервать зевание, чтобы исторгнуть свою универсальную оценку тому, чем его тужатся поразить: «круто!».

Поэтому «выездная» литература не дает нам оснований для оптимизма: она уже никому не может указать *«дорогу к родному Дому»*, наоборот: она сама всё дальше уходит от этой дороги. А следовательно, надежд на нее нет, хотя она вполне может внести со временем свежую и сильную струю в «коренную» литературу Германии. Спасением нашей литературы может быть лишь восстановление национальной жизни народа, что реально только в России и только если российские немцы будут опять иметь равные права и возможности с другими народами страны. Об этом свидетельствует наша довоенная литература, об этом с болью говорит нам диссертация Е.Зейферт, об этом на прощанье, всё больше удаляясь от нас и всё реже оглядываясь, говорит нам «выездная» литература...

Диссертационный совет при МГУ квалифицировал работу Е.Зейферт как *«глубокое и масштабное исследование важной научной проблемы, новое крупное достижение в развитии литературоведения, исполненное на высоком уровне профессионализма»*.

Мы же с не меньшим, надеюсь, основанием можем сказать, что уникальная докторская диссертация Е.Зейферт – это большой научный, национальный, человеческий подвиг. И хотелось бы надеяться, что когда-нибудь наш народ всё же будет опять жить так, что сможет выразить свою признательность своим сынам и дочерям за такие подвиги. Подвиги, совершенные, чтобы защитить свой народ в трудные минуты его истории, чтобы добиться для него нормального будущего, чтобы хоть еще на один шаг помочь ему продвинуться вперед - по *дороге к родному Дому*.